
Капризы и нежность

Сквозь пелену ускользящего сна Ло Хуай чувствовал лишь то, что его крепко сжимают знакомые, надежные объятия. Ему редко удавалось поспать так спокойно. Стоило юноше приоткрыть глаза, как первым, что он увидел, стало безмятежное лицо Чу Сюня.

Даже во сне его облик поражал: серебристые пряди волос на фоне бледной, почти прозрачной кожи казались чем-то неземным. Безупречные черты лица, четкая линия челюсти и изящный изгиб шеи складывались в картину, от которой невозможно было отвести взгляд. Молодой господин долго и завороженно наблюдал за ним, пока наконец, поддавшись порыву, не подался вперед и украдкой не коснулся губами его щеки.

Чу Сюнь не выдержал и тихо рассмеялся.

Он разомкнул веки и, лениво опустив взгляд на ладонь Ло Хуая, судорожно вцепившуюся в его пижаму, с иронией спросил:

— Наконец-то проснулся?

Пальцы Правителя были сжаты так сильно, что костяшки побелели. Казалось, он и сам не осознавал, как безжалостно сминает дорожную ткань на груди мужчины.

Проследив за взглядом собеседника, Ло Хуай поспешно, точно пойманный на месте преступления вор, разжал кулак и принялся суетливо разглаживать складки на его воротнике.

Случайно его подушечки коснулись багровых следов на шее Чу Сюня — тех самых, что еще не успели сойти с прошлой ночи.

Рука юноши невольно дрогнула.

Чу Сюнь, подперев голову рукой, лениво протянул:

— Ло Хуай, ты поцеловал меня так сильно, что мне больно.

Мозг молодого господина на несколько секунд будто отключился.

Ему показалось, что эти слова прозвучали... крайне двусмысленно.

Особенно сейчас: в постели, когда одежда собеседника была в беспорядке, а сам он выглядел так, будто полностью отдает себя во власть другого, намеренно используя этот вкрадчивый, искусительный тон.

Ло Хуай почувствовал, как кружится голова. Он послушно склонил голову, признавая вину.

— Прости меня, брат...

Чу Сюнь, видя, что его маленькая уловка снова сработала, и «домашний любимец» готов ластиться и просить прощения, ощутил странное удовольствие. Наблюдать за этим «котом» было на редкость увлекательным занятием.

Он мельком взглянул в окно, где небо только начинало светлеть, и снова перевел взгляд на юношу, загадочно улыбнувшись.

В следующее мгновение он резко вскинул руку и притянул Ло Хуая к своей груди, лишая того возможности отстраниться. Красивые глаза Чу Сюня, формой напоминавшие лепестки персика, сощурились, приобретая опасный, но манящий блеск.

— Неужели ты думаешь, что одних слов для извинения достаточно? — лениво осведомился он.

Ресницы Ло Хуая мелко задрожали. Его рука скользнула вниз, едва касаясь той самой изящной, гибкой талии «с изломом». Стараясь не обращать внимания на онемевшие колени — последствия долгого пребывания в одной позе перед зеркалом, — он устроил их по обе стороны от бедер Чу Сюня. А затем, заискивающе и нежно, прильнул к его губам.

Чу Сюнь негромко рассмеялся. Его тонкие пальцы с силой сжали поясницу юноши, притягивая того ближе, не давая потерять равновесие.

Свободной рукой он слегка похлопал Ло Хуая по щеке и с насмешкой произнес:

— Молодой господин, я вовсе не считаю тебя монстром.

— Ни один монстр не умеет так искусно... выпрашивать ласку.

В его голосе проскользнули нотки намеренной жестокости. И Ло Хуай, как и ожидалось, вздрогнул еще сильнее. Юноша плотно сжал губы, не проронив ни звука, но его лицо мгновенно залил густой румянец.

В этой тесной комнате жар и влага сплелись воедино, а время, казалось, замедлило свой ход, растягиваясь до бесконечности.

Когда солнце уже окончательно взошло, «извинения» наконец подошли к концу. Ло Хуай бессильно повалился на кровать. На тумбочке надрывно звонил телефон — это была Айдела, но трубку так никто и не взял.

На самом деле, в какой-то момент Чу Сюнь собирался ответить. Он взял смартфон и вложил светящийся экран во влажную ладонь юноши, вкрадчиво прошептал:

— Если это что-то важное, не обращай на меня внимания.

Ло Хуай, закусив губу, лишь отчаянно покачал головой.

«Как... как я могу не обращать внимания?»

Он хотел отшвырнуть гаджет подальше, но собеседник не позволил. Его холодные пальцы лениво накрыли экран, удерживая руку Ло Хуая. С улыбкой он произнес:

— Держи крепче. Будет неловко, если ты случайно нажмешь на «принять»... Постарайся плакать красиво, дорогой.

Раз уж Ло Хуай довел себя до такого состояния в его отсутствие, Чу Сюню следовало немного его проучить.

Лишь когда его дыхание немного выровнялось, Ло Хуай перезвонил Айделе, предварительно включив громкую связь и отложив аппарат в сторону.

— Босс? Наконец-то вы ответили. Как ваше самочувствие?

Ло Хуай прикрыл глаза рукой.

«Плохо. Я, черт возьми, чувствую себя так, будто Чу Сюнь решил меня прикончить»

Но вслух он впервые ответил на вопрос Айделы охотно. Его голос был хриплым, но в нем отчетливо слышалась слабая улыбка.

— Сегодня... я чувствую себя прекрасно.

В это время Чу Сюнь, по просьбе Ло Хуая, наполнял миску Принцессы кормом. Деваться было некуда: Правитель терпеть не мог, когда слуги подходили к нему слишком близко, поэтому весь персонал Дома Грифон жил в отдельном флигеле. Обычно Ло Хуай кормил кошку сам.

И хотя он постоянно твердил, что недолюбливает Принцессу, на самом деле за те восемь лет ожидания она была единственным существом, с которым он мог без опаски говорить о Чу Сюне.

Молодому господину сейчас требовалось время, чтобы прийти в себя, так что Чу Сюню, только что «накормившему» одного кота, пришлось заняться второй.

Перед уходом Ло Хуай со всей серьезностью вцепился в его руку и строго наказал:

— Если она начнет ластиться, не вздумай отвечать.

Чу Сюнь послушно согласился, а затем, немного подумав, искренне заметил:

— Кажется, я отвечаю на ласку только в твоём случае.

— Как сейчас, например.

Ло Хуай часто заморгал, не находя слов. Его напускная строгость мгновенно испарилась, а глаза засияли от радости.

Увидев мужчину перед своей лежанкой, Принцесса высунула мордочку, обнюхала его и, милостиво признав за ним право находиться на её территории, снова улеглась на мягкую подушку.

Чу Сюнь смешивал разные сорта корма. Даже в таких простых делах его движения сохраняли ту ленивую, небрежную грацию, которая делала процесс эстетически безупречным.

Система 059 некоторое время наблюдала за своим носителем и вынуждена была признать: с точки зрения человеческих стандартов, Чу Сюнь обладал всеми данными, чтобы заставить объект задания потерять голову.

— И что ты планируешь делать дальше? — спросил 059. — Ты поднял такой шум, что Бюро просто не может этого не заметить... Мне жаль, но, похоже, тебе снова придется вернуться в Пустоту.

Рука Чу Сюня на мгновение замерла. Он негромко хмыкнул и на удивление спокойно ответил:

— Не извиняйся. Это не твоя вина.

Затем он в раздумье склонил голову набок и спросил:

— Но ведь я в этот раз не убивал никого важного. Неужели шум настолько велик?

059 посмотрел на расслабленно расстегнутый ворот футболки Чу Сюня, где на бледной коже отчетливо виднелись следы на ключицах и шее.

Понизив голос, система ответила:

— Ну... ты всё-таки вступил в неподобающую связь с главным героем...

Чу Сюнь выгнул бровь.

— Я не заставлял его называть меня «хозяином» прошлой ночью, так что это вряд ли можно считать «неподобающей связью».

[...! Пожалуйста, хватит загрязнять мою базу данных своими странными играми!]

Система поспешно сменила тему. Глядя на записи жизни носителя, 059 с любопытством заметил:

— Знаешь, согласно анализу твоих прошлых данных, ты не должен был полюбить Ло Хуая.

Строго говоря, он не должен был полюбить вообще никого.

Чу Сюнь промолчал. Он лишь слегка подтолкнул наполненную до краев миску к кошке. Принцесса довольно вильнула хвостом и принялась за еду.

«Действительно, это странно» — подумал Чу Сюнь.

Затем он усмехнулся:

— Я не знаю, что такое любовь. А значит, я и сам не ведаю, полюбил я его или нет.

— Но сейчас я не хочу, чтобы ему было больно. Не хочу, чтобы он грустил.

— Он — мой воспитанник. И только я имею право доводить его до слез.

Он произнес это тихим, бесстрастным тоном. 059, сверившись с алгоритмами в своей базе данных, ответил:

— Тогда это всё-таки любовь. Ведь когда любишь, сердце невольно сжимается от жалости к человеку.

У 059 не было чувств, но он был уверен, что нашел верный ответ.

Для Чу Сюня преданность и искренность, которую юноша хранил годами, были самой дорогой наградой, какую он когда-либо получал за свою жизнь.

Что касается возможности найти очередную лазейку в системе Бюро Пространства-Времени, 059 был настроен скептически. Но, будучи системой, он всё же оставался верным своему носителю. В конце концов, именно он уговорил Чу Сюня вернуться, а значит, должен был во всем ему помогать.

Впрочем, сам Чу Сюнь не проявлял ни малейшего беспокойства. В этом мире для него попросту не существовало вещей, способных вывести его из равновесия.

Вот и сейчас он совершенно спокойно занимался цветами.

В огромном саду поместья Ло Хуай посадил только самые дорогие и редкие сорта. Среди них красовались цветы Проливен, чей оттенок так напоминал цвет глаз собеседника.

Пока Чу Сюнь с интересом составлял букет, Правитель успел окончательно прийти в себя. Одетый с иголки, он вместе с мужчиной спустился в гостиную.

События прошлой ночи имели огромный резонанс. Те, кому следовало умереть — погибли. Оставшиеся же члены семьи должны были под предводительством Айделы явиться к Ло Хуайю, чтобы присягнуть на верность, вымолить прощение и заодно передать настоящие бухгалтерские книги и контрольные пакеты акций.

Сердца их трепетали от ужаса. Им предстояло впервые предстать перед Правителем, о котором ходили слухи, что он ненавидит всех без исключения и карает без тени сомнения. В гостиную они входили почти на цыпочках.

Даже Айдела всерьез опасалась очередного приступа безумия у своего босса. Она уже приготовила речь, решив во что бы то ни стало отработать свою баснословную зарплату.

Но едва переступив порог, бесстрашная наследница чуть не подвернула ногу на собственных

каблуках.

Шедшие за ней суровые мужчины в дорогих костюмах испуганно сжались, точно перепелки, и осторожно подняли взгляды.

«Беспощадный и мрачный» Правитель действительно сидел в безупречном костюме, его красивое, мертвенно-бледное лицо не выражало никаких эмоций. Он устало прикрыл глаза — было видно, что он совсем не выспался.

Но даже в таком состоянии он внушал благоговейный трепет.

Вот только кто был тот человек, что сидел рядом с ним?

Незнакомец с невероятно красивым лицом, одетый в мягкую домашнюю одежду, лениво закинул ногу на ногу. Он не спеша возился с огромной охапкой цветов, а его обнаженная щиколотка с тонкими голубыми венами выглядела пугающе расслабленно.

Он вел себя как полноправный хозяин дома.

И его положение явно выходило за рамки простого «фаворита». Разве стал бы обычный любовник сидеть здесь и спокойно заниматься икебаной?

Они не могли понять, кого привел с собой Ло Хуай. Ведь за все годы правления он никому не позволял приближаться к себе. Почтительно поклонившись, они устали на Айдела, ища поддержки.

Но Айдела полностью их игнорировала.

Она переводила взгляд с Чу Сюня на Правителя и обратно, пока наконец не ущипнула себя за щеку, пробормотав:

— Босс, клянусь, у меня нет никаких видов на Чу Сюня, но мне кажется, у меня галлюцинации. Это побочный эффект от SPII?

Чу Сюнь, услышав это, весело помахал ей рукой.

— Привет, Айдела. Я бы сказал «давно не виделись», но ты ведь только вчера приглашала меня на ужин.

Айдела промолчала.

«Этот невыносимый тон... Точно, это тот самый мерзавец Чу Сюнь собственной персоной, а не какая-то сумасшедшая копия, созданная Ло Хуаем»

Это осознание её мгновенно успокоило. Она вежливо улыбнулась и поспешила найти предлог, чтобы смыться.

Но выйдя за дверь, она всё же быстро смахнула слезу с уголка глаза и тихонько усмехнулась.

«Главное, что живой»

Она годами наблюдала за безумием Ло Хуая, и теперь точно знала: пока Чу Сюнь рядом, Правитель хотя бы попытается остаться человеком.

Айдела сбежала, но остальным уйти было не суждено. Они сидели как на иголках, вполголоса выражая свое почтение и жалуясь на трудности.

— Мы надеемся на ваше вмешательство... Новые группировки набирают силу, они буквально вытесняют нас с рынка...

— Если они вам так мешают, приложите усилия, чтобы они исчезли, — холодно бросил Ло Хуай, убирая со стола отчеты. Его совершенно не трогало их нытье. — В конце концов, старые упрямы в семье ведь тоже куда-то делись?

— Но... всё же мы — ваши верные люди... К тому же, большинство проблем возникло из-за самоуправства подчиненных... — забормотали они.

Ло Хуай усмехнулся и спросил:

— Я похож на человека, которого волнуют такие пустяки?

Никто не рискнул ответить.

Проблемы были не слишком велики, и если бы Ло Хуай действительно захотел ими заняться, он бы просто поручил это Айделе. Он не собирался продолжать этот разговор и уже готов был выставить их вон.

Но едва он открыл рот, Чу Сюнь отодвинул вазу, подпер подбородок рукой и с улыбкой произнес:

— Почему бы вам не нанять меня? Думаю, если вы скинетесь, то вполне потянете мой гонорар.

Он сказал это так легко, будто шутил. Собравшиеся не приняли его слова всерьез, решив, что любовник босса просто решил вставить свое глупое словцо. Один из них, привыкший важничать в своем кругу, даже позволил себе резкое замечание:

— Не вставляй свои замечания, когда говорит босс.

Чу Сюнь рассмеялся. Он намеренно коснулся пальцами подбородка Ло Хуая, приподнимая его, и невинным, жалобным тоном тихо спросил:

— Босс, а в тебя... вставлять можно?

Ло Хуай не ответил сразу.

У него на миг перехватило дыхание. В голове мгновенно пронеслись картины прошедшей ночи.

Юноша понятия не имел, как Чу Сюню удалось так изящно опустить самое важное слово в этой фразе...

Но он лишь прикрыл глаза и кивнул. Таким тоном, в котором слышалось небывалое прощение, он ответил:

— Иди, если хочешь. Тебе нужно, чтобы я пошел с тобой?

Чу Сюнь весело рассмеялся:

— Конечно. Куда же я без тебя.

<http://bllate.org/book/15843/1435986>